

резуно

КОЛУМБЫ РОССКІЕ

100 200 300
100. au Degré.
200. au Degré.
300. au Degré.

140

150

160

170

30

Д. В. Усатая

автор – составитель

КОЛУМБЫ РОССКИЕ

*Очерки из истории открытия и освоения
Дальнего Востока и Южного Приморья*

*В книге использованы
портреты первооткрывателей
художника Владимира Королева (г. Находка)*

Литературный клуб «Элегия»
Находка, 2010 г.

ББК 26.891

ISBN 978-5-91849-008-2

Колумбы Росские

Очерки из истории открытия и освоения Дальнего Востока, Южного Приморья
Составитель: Усатая Д.В.,

г. Находка, Литературный клуб «Элегия», 2010 г., 148стр. тираж 500 экз.

В книге рассказывается о великих людях, настоящих Сынах Отечества, которые принимали героическое участие в открытии, освоении Дальнего Востока и организации переселенческого движения.

Благодаря их настойчивости, смелости, мужеству, преданности и бескорыстию Россия обязана тем, что её флаг ныне развивается на берегах Тихого океана.

Именно им мы обязаны в открытии, создании и развитии нашего города Находки.

Благодарим за помощь

в создании и издании книги «Колумбы Росские»:

Павильонис Т. Н. – руководителя компании «Лотос-Тур»;

Гловацкого А. И. – директора научно-производственной компании «Углеком»;

творческих людей: писателя Янова В. С.,

поэтессу Воробьёву Ю.В., и её отца – художника Королёва В. И.

коллектив Музейно-выставочного центра «Находка»:

директора Коногорову Г.П.;

зам. директора Агафонову Е.В.,

зам. директора Нургалиеву М.Б.,

Паутову Р.Н.,

Иванову М.А. – действ. члена Общества изучения Амурского края.

Главного редактора Ольгу Георгиевну Тудор
и шеф-редактора Александра Михайловича Тудор
журнала «Главная дорога»

На первой странице фрагмент карты
«Карта Китайской Тартарии, сост. в соотв. с астр. набл.» (Франция, 1771 г., Ригоберт Боннэн).

На четвертой странице обложки
портрет Д.В.Усатой работы художника В.И. Королева

Дизайн: Кабелев С.В.

Макет: Кабелев Д.С.

Цветные портреты: художник Королёв В.И.

© Усатая Д.В., 2010 г.

© Королев В.И., 2010 г.

© ООО «РЕЯ», 2010 г.

ISBN 978-5-91849-008-2

40 - летию

Находкинского городского
литературного клуба “Элегия”

п о с в я щ а е т с я

**“Колумбы Росские,
презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь
отворят на Восток”**

Михайло Ломоносов

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А.С. Пушкин

События настоящего повествования относятся к тем временам, когда люди ходили по морю преимущественно на парусных судах и в кожаных байдарках, посуху же перебирались на лошадях, месках (помесь осла и собаки) и на собачьих упряжках; когда даже искушённые в премудрости знания учёные мужи порой не ясно представляли себе местонахождение и соотношение многих земель и вод, не говоря уже об обитателях тамошних разумных и не очень...

«Книги о путешествиях и экспедициях писались с давних времён, однако и у древнего грека, и у римлянина складывалось представление, что каждый из них – просвещённый сын культуры, а прочая земля населена варварами... Да и жителю российской провинции в XIX веке всё ещё казалось, что есть Москва и Петербург, в полутьме виделись какие-то Саратовы, за ними – чистые басурмане. А дальше была уже полная тьма, где жили люди с «песьими головами». Об этом и у Гоголя, и у Островского, и у Лескова».

Исследованием Великого Восточного или Тихого океана и земель, его опоясывавших и в нём обретавших, россияне занялись по указу Петра I в первой половине XVIII столетия. В поисках торговых путей российские мореплаватели – военные моряки, промышленники и купцы, учёные-исследователи – совершили целый ряд героических экспедиций к неведомым землям. Сколько отваги требовалось, чтобы годами блуждать по таинственным и грозным водам, не ведая, что ждёт тебя там, за линией горизонта, или на, едва обозначившейся приметной полоской, Матёрой Земле. Немало подобных путешествий, экспедиций кончалось трагически. Но благодаря им человечество познало Мир!

Нелёгкими, полными тягот и лишений были не только путь, но и сама жизнь первых русских землепроходцев и мореходов в новооткрытых землях: суровая природа, жёсткий климат, опасное соседство дикого человека и зверя, голод, болезни... не было порой самого необходимого: продовольствия, одежды, лекарств, снаряжения для промысла и припасов для оружия... но никакая нужда не могла остановить их упорного продвижения вперёд: открывались и осваивались всё новые и новые территории, учреждались поселения, возводились крепости, строились гавани и суда, не переставал вестись промысел...

Всё это История, причём история как она есть, без утаиваний и прикрас, где рядом с романтикой подвига соседствует человеческое страдание, и человеческая драма идёт бок о бок с героикой открытия для цивилизованного мира новых земель, стран и народов.

Как правило, экспедиции не ограничивались одним лишь открытием и описанием новых земель: их участники привозили с собой богатейшие биологические, геологические, палеонтологические и этнографические коллекции. Землепроходцы одержимы были стремлением побольше увидеть и узнать, чтобы потом донести эти знания людям. Это о них, первооткрывателях и изыскателях российских, писал А.П. Чехов: «Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь Родины и науки, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду, тоска по Родине... делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу...».

Замечательные русские географические открытия и исследования XVIII – XIX веков на тихоокеанском побережье явились событиями мирового значения, они прославили отечественную науку, а вместе с тем и само Отечество.

Неукротимая энергия и предприимчивость первопроходцев-россиян, совершавших подвиг свой во имя Знания и во славу Отечества, не могут не восхищать потомков.

Думается, что сегодня, в наш далёко беспокойный век, о них ни в коем случае не следует забывать.

В этой книге мы попытались рассказать о великих людях, настоящих сынах Отечества, по портретам художника Владимира Ивановича Королева, любезно выполненные им по нашей просьбе. Это люди, которые принимали героическое участие в открытии и освоении Дальнего Востока, многие из них причастны к созданию нашего города Находки.

Геннадий Иванович Невельской, Николай Николаевич Муравьев-Амурский, Василий Матвеевич Бабкин, Александр Арсентьевич Болтин, Степан Осипович Макаров, Гаральд Халтусович Фуругельм, Николай Михайлович Пржевальский, Владимир Клавдиевич Арсеньев, Михаил Иванович Венюков, Фридольф Кириллович Гек, Александр Иванович Кунце, архимандрит Палладий (П.К.Кафаров), цесаревич Николай.

Книгу адресуем молодому поколению, чтобы знали, помнили, гордились своими предками.

Выдающийся летописец государства Российского Н.М.Карамзин писал:

***«...История предков всегда любопытна для тех,
кто достоин иметь своё Отечество».***

Невельской

Геннадий Иванович

23.11.1813 – 17.04.1876 гг.

Русский исследователь Дальнего Востока,
инициатор освоения Амура. Полный адмирал с 1874 г.

Родился в семье отставного лейтенанта флота. Окончил морской корпус в 1832 году, офицерский класс - в 1836 году. Плавал на Балтийском и Средиземном море в эскадре контр-адмирала Фёдора Литке.

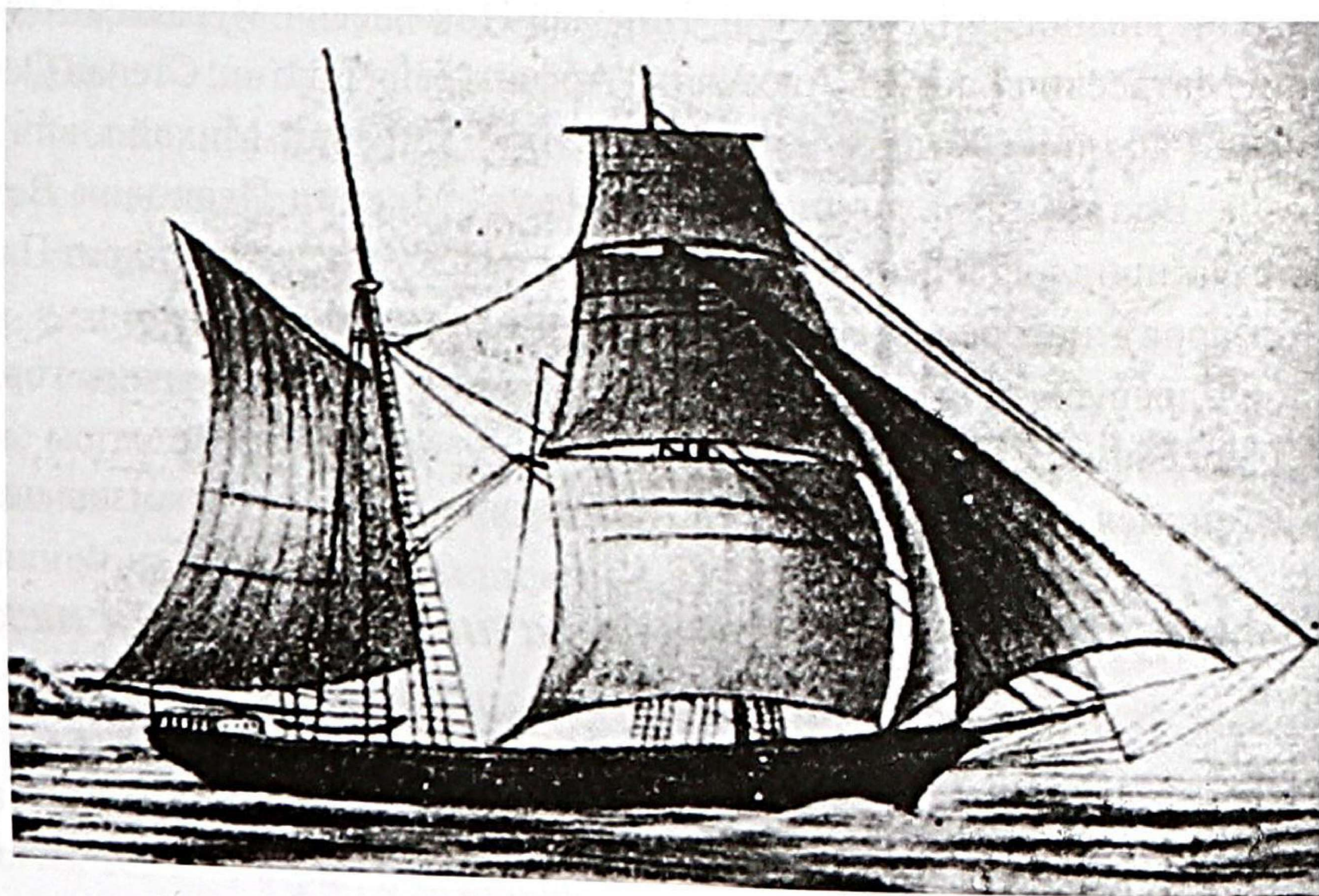
Звание капитан-лейтенант получил в 1846 году, а в 1847 году назначен командиром транспорта «Байкал», предназначавшегося для Охотской флотилии.

В 1848 году отправился на Дальний Восток вокруг Южной Америки (мыс Горн). С 12 июня по 27 августа 1849 года с командой транспорта «Байкал» провёл опись берегов Северного Сахалина, лимана и устья Амура. Открыл пролив, названный именем Невельского, доказал что Сахалин – остров. В августе 1850 года основал в устье реки Амур Николаевский пост (ныне город Николаевск-на-Амуре).

В 1851-1855 гг. возглавлял Амурскую экспедицию, начал освоение и изучение Нижнего Амура и Сахалина.

Благодаря усилиям Г.И. Невельского русские окончательно закрепились на берегах Тихого океана.

Транспорт «Байкал»

*Адмирал
Невельской Геннадий Иванович*

Художник Королев В.И., г.Находка, масло

Подвиг Невельского

Из книги Шрейдера «На Дальнем Востоке»

Физиономия края начала изменяться только со времени появления в водах Великого океана транспорта «Байкаль» под командой капитан-лейтенанта Геннадия Невельского, – этого русского Колумба, скромного исследователя, открытия которого произвели переворот в господствовавших целое столетие в Европе представлениях о восточ

ном побережье Уссурийского края – этого малоизвестного моряка и уже забытого героя, которому Россия обязана мирным и бескровным присоединением Уссурийского края. Подвиги Невельского поставили на очередь вопрос о колонизации Амура и Уссури и вскоре, без всяких столкновений с Китаем, был занят Амур, Уссури, Сахалин, – весь край от Студённого» (Охотского) до «Тёплого» (Японского) моря.

Здесь будет уместно напомнить, что со времени подвига Невельского (речь идёт об открытии им, вопреки прямым распоряжениям правительства, устья Амура, которое до него изысканиями Лаперуза, Броутона, Крузенштерна и русского мореходца Гаврилова признавалось совершенно недоступным, не дающим выхода в океан, в силу чего сам Амур и весь край, примыкающий к нему, был признан бесполезным для русского правительства) прошло всего-то сорок пять лет (а со времени его смерти и всего-то лет двадцать), а между тем, уже теперь в России мало найдётся людей, которые знают, что исключительно его настойчивости, смелости, мужеству и самоотвержению Россия обязана тем, что её флаг ныне развивается на берегах Тихого океана, и что, именно, этот безответный, но в то же время отважный моряк и открыл нам, почти на наших глазах, тот путь к океану, которого мы упорно, настойчиво, стихийно, но бесплодно добивались последние два-три столетия.

Любопытно, что в то время, как ближайшее потомство плохо сохранило в своей памяти воспоминания о заслугах этого отважного и бескорыстного человека перед родиной, – наши восточные и западные соседи не перестают удивляться его мужеству и беспримерному патриотизму.

«Так, благодаря одной лишь отваги Невельского, без выстрела, великолепная приморская область, с береговою чертою в 900 миль, отошла к России, и Китай, собственной рукою, одним почерком пера (Пекинским трактатом), навсегда закрыл себе двери в Японское море», – писала ещё недавно китайская газета «North China Herald».

«Только бесчувственный русский», – восклицает, вспоминая о Невельском, английский журнал «Blackwood Edinburgh Magazine», – «мог бы подавить невольный восторг при виде столь прекрасного владения на Востоке, приобретённого благодаря выдающемуся патриотизму Невельского. Уже одно то, что приобретена страна, равная по величине Франции, расшевелило бы самый неподвижный народ на земном шаре, и переполнило бы его сердце благодарностью к скромному виновнику этого приобретения. А здесь, к тому же русским досталась не тощая пустыня где-нибудь в глуши Африки, не болотистые трупы каннибалов в отдаленных частях океана, но естественное продолжение самой метрополии, требующее только устройства путей сообщения для слития в одно целое со всей Империей».

По результатам экспедиций знаменитых путешественников Император Николай I начертал: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить. Лиц, посылавшихся на Амур наградить.»

Изыскания Лаперуза, Броутона, Крузенштерна, Гаврилова, таким образом, убедили всех, что Амур совершенно не судоходен, что доступ в него, благодаря зыбучим пескам, очень затруднителен, почти невозможен, и что вообще вопрос о его исследовании и, тем более, занятии, – вопрос совершенно праздный и неуместный.

Был, однако – же, один человек, который не поддавался этому всеобщему настроению.. Это был ещё мальчик, воспитанник петербургского морского училища, известный в последствии контр-адмирал Геннадий Иванович Невельской.

Ещё на школьной скамье он зачитывался сказочными рассказами вольных казаков – Пояркова, Хабарова, Стефанова, Дежнёва, Стадухина, Атласова и многих других, со второй половины XVI века неустанно стремившихся на далёкий северо-восток Сибири, в «неизвестные края» соблазняемые смутными толками и слухами о богатствах этой окраины.

Этот вопрос по выходе его из училища, окончательно поглотил все его помыслы. Молодой морской офицер только то и делал, что рылся в архивах, перечитывал всевозможные книги, имевшие отношение к мучившим его сомнениям.

«Не может – же быть» – говорил он, – «чтобы такая огромная река, как Амур, терялась в прибрежных песках и не могла проложить себе самостоятельного, свободного выхода в море!».

И он с непостижимым упорством продолжал повторять это, не смотря на то, что везде, куда он не кидался, он встречал один и тот же неизменный ответ: «устье Амура неизвестно».

предполагают, на основании достоверных и не подлежащих никакому сомнению категорических свидетельств великих мореплавателей, что река теряется в прибрежных песках океана».

«А что?», думал он, «если Россия упустит удобный момент и не займёт этой территории, по которой, быть может, пролегает путь, соединяющий Сибирь, а через неё и Россию, с океаном».

Ведь в один прекрасный день это может сделать Китай, которой окончательно и навсегда запретит тогда доступ русским к морю и будет грозить самой России!

И мысль об этом приводила его в такой ужас, что он тогда же дал себе клятву во что бы то ни стало выяснить этот вопрос, и — кто знает? — быть может, даже занять Приамурский край.

Немало удивлены были в скором времени в морском министерстве, когда молодой, образованный, подававший блестящие надежды морской офицер в один прекрасный день заявил о желании взять на себя командование простым транспортом «Байкаль», отправлявшимся из Кронштадта в Камчатку для портовой службы в утрюмом, неприветливом Охотском море.

Напрасно кн. Меншиков, стоявший тогда во главе морского министерства, убеждал молодого моряка выкинуть из своей головы эту странную идею, — Невельской упорно стоял на своём. Меншикову ничего не оставалось делать, как уступить

на стойчивости и упрямству этого странного моряка, заведомо губившего свою карьеру. На всякий случай, он, впрочем, посоветовал ему представиться вновь назначенному тогда генерал-губернатору Восточной Сибири, Н.Н. Муравьёву.

Тогда Невельской решился на смелый поступок, зная, что своими собственными силами он не добьётся получения надлежащей инструкции, он решился сделать своим соучастником генерал-губернатора и смело поверил ему свои надежды, намерения, планы.

Пламенная, горячая, искренняя речь юноши-моряка убедила Муравьёва в том, что пред ним талантливый мечтатель идеалист, могущий, действительно, осуществить свою мечту; мало того, он даже сам увлёкся мыслью приобрести для России крайне важный для неё Приамурский край.

Содействие Муравьёва, однако, не предрешало осуществление пламенной мечты Невельского. Перед ним стояло непреодолимое препятствие, обойти которое было совершенно невозможно: оставалось ещё склонить на эту экспедицию Императора Николая I. Но в виду известной уже читателю резолюции Императора об этом нечего было и думать. Исследования Лаперуза, Крузенш

терна и Гаврилова окончательно убеждали всех в том, что Амур совершенно бесполезен для России: к тому же тогдашний морской министр, гр. Нессельроде, выражал опасение, что новое появление русских на Амуре, вскоре после Гаврилова, может вызвать крупные осложнения со стороны Китая.

Между тем, юноша Невельской не переставал торопить с составлением потребной ему инструкции: он чрезвычайно опасался, что кто-нибудь — англичане, китайцы, американцы, японцы, — могут раньше его догадаться, захватить в свои руки устье Амура и этим нанести непоправимый вред России.

Видя, однако, что никто не решается даже доложить об этом важном и не терпящем отлагательства деле Императору, молодой смельчак однажды откровенно заявил кн. Меншикову, что он, во всяком случае, исследует устье Амура, если даже не получит официального разрешения.

— Но как же вы объясните тогда появление русского корабля в этих местах? — воскликнул поражённый кн. Меншиков.

— Пустяки, — ответил Невельской, спокойно улыбаясь. — Ведь, это — страна бурь, страшных ветров и непроницаемых туманов. Что удивительного, если бедный транспорт собьётся с намеченного пути!.. Не так ли?

— Это, конечно, ваше дело, — ответил кн. Меншиков. — Знайте, однако, что то, что вы хотите сделать, — не может быть сделано официально. Делайте, что хотите... Я заранее умою руки во всём этом деле и предупреждаю вас, что сделать что-нибудь для вашей защиты я положительно не могу... Убедившись, наконец, в том что ему не добиться Высочайшего разрешения на исследование устья Амура, Невельской обратился к Муравьёву с письмом, в котором изложил план своих действий и просил дать ему секретное предписание.

Увлечённый идеей молодого моряка, Муравьёв составил соответствующую инструкцию, но кн. Меншиков не осмелился доложить её Императору.

Геннадий Невельской, не дождался, однако же, инструкции, и 21 августа 1848 г. он уже уносился на «Байкале» под всеми парусами на далёкий Восток. Девять месяцев спустя, после продолжительного плавания вокруг Южной Америки, транспорт «Байкаль» благополучно достиг своей конечной цели — Петропавловска, уединённого порта на берегу Охотского моря.

Долго ждал здесь Невельской обещанной инструкции, но время шло, а она всё не приходила. Опасаясь, что вместо неё может придти прямое

запрещение произвести исследование Амура, которое нельзя уже было не исполнить, но подвергая себя серьёзной ответственности, — Невельской решился на отважный поступок: — он решил самовольно оставить предназначенный для его пребывания порт.

Оставалось только убедить своих спутников, (экипаж Невельского состоял из офицеров: Козакевича, Гревенса, Гейсмора, Грота, Попова, кн. Ухтомского, врача Берга и восьмидесяти матросов и сорока рабочих).

— Господа! — сказал он, собрав вокруг себя всех своих офицеров. — Я не хочу подвергать вас каким-бы то ни было опасностям. Всю ответственность и грядущую кару я беру на себя. Служа под моим начальством, вы не отвечаете за мои распоряжения.

Офицеры безропотно повиновались ему, и 7 октября 1849 года «Байкаль» уже шёл, распустив паруса, по направлению к предполагаемому устью Амура. Спустя несколько дней, Невельской был в виду песчаных берегов Сахалина, окаймляемых с моря рядами бесчисленных мелей. Вдруг Невельской увидел на горизонте сверкающее озеро, скрытое мелями. Он спустил с судна шлюпку и медленно поплыл по направлению к нему.

Прошло ещё два три часа, и транспорт «Байкаль», первый из всех европейских судов, плавно и медленно вступал в мутные воды полноводного, хотя и узкого пролива, скрывавшегося на севере за горизонтом...

Лаперуз, Крузенштерн — заблуждались. Сахалин отделялся от Азии. Он был — остров.

Это открытие придало энергии и силы отважному юноше. Он последовал дальше на север и здесь, после многих трудов и лишений, он достиг, наконец, мели, на большое расстояние выдавшейся в пролив из залива (Татарского), что и заставило думать его предшественников, что устье Амура скрывалось в песках... Эту огромную мель они приняли за перешеек, соединявший остров Сахалин с материковой землёй.

После нескольких дней тщательных изысканий Невельскому удалось окончательно убедиться в том, что за этой мелью скрывался лиман. Вскоре он нашёл совершенно свободный и широкий проход, которого так страстно и тщетно искали два века подряд. Устье Амура было открыто... Тайное предчувствие не обмануло его. Невельской осуществил свою заветную мечту, и первый ступил на берег Амура, по которому ещё никогда не ступала нога европейца.

Нужно было, однако торопиться в Аянь. Как впоследствии оказалось, в виду долгого отсут-

ствия «Байкала», там уже решили, что это судно погибло. Генерал Муравьёв, дожидавшийся здесь Невельского на обратном пути из Камчатки, уже отчаялся когда-либо увидеть его и собирался уехать.

Каково же было его удивление, когда почти накануне отъезда ему доложили, что на горизонте показался «Байкаль». Стоя от нетерпения узнать о результатах исследования молодого моряка, Муравьёв не дождался его прибытия в порт, взял шлюпку и поехал навстречу ему в открытое море.

Лишь только он приблизился к судну на расстояние голоса, он крикнул:

— Невельской! Вы откуда?

— Ура, ваше превосходительство! — отвечал Невельской, стоя на мостике. — Вековые заблуждения развеяны. Сахалин — остров, и устье Амура открыто.

Возглас Невельского был подхвачен командой, и пустынное побережье Аяна впервые огласилось единодушным криком «ура», вылетевшим из нескольких десятков матросских грудей.

Несколько месяцев спустя Невельской был уже в Петербурге. Немедленно по приезду он явился к кн. Меншикову, и здесь он узнал, что государь не только не гневается на него за его «самовольство», но даже назвал его поступки «храбрыми и заслуживающими одобрения, благодаря блестящим результатам, которые они дали».

Подвиг Невельского открыл для России новые перспективы. Николай I и Муравьёв ясно сознавали, какое огромное значение в политическом, стратегическом и экономическом отношениях имеет для государства сделанное Невельским открытие.

По утверждённому Императором проекту решено было поручить Муравьёву основать зимовку где-нибудь на юго-восточном берегу Охотского моря, но, впрочем, «отнюдь не в лимане, а тем более на реке Амуре», главным образом в виду донесения нашего посольства в Пекин, из которых видно было, что всё побережье Амура Китай считал своей собственностью.

Вместе с тем, однако, была снаряжена экспедиция, которая, «под видом торговли Российско-американской компании», должна была завязать сношения с обитателями Амурского края — гиляками, а также для разведывания края, «не касаясь, однако же, ни под каким предлогом вопроса о реке Амуре и его бассейне».

Невельской, произведённый Императором в капитаны 2 ранга, отправлен был в распоряжение Муравьёва для выбора места под зимовьё, которое он вскоре и учредил под названием Петровского порта.

Исполнением этой обязанности, он не считал, однако, свою задачу исполненной и, невзирая на прямое запрещение Императора, снарядил не большое судно, захватил с собой шесть казаков, провизию, оружие, порох, двух переводчиков и смело направился к запретному устью. Едва углубился он внутрь реки на расстояние нескольких вёрст от её впадения в море, как заметил на берегу толпу гиляков, с изумлением и страхом глядевших на появление белых людей. Невельской приказал остановить свою лодку и, в сопровождении горсти вооружённых казаков, твёрдою поступью подошёл к дикарям. Толпа гиляков расступилась, и капитан Невельской увидел маньчжура Джангин (так называли его гиляки), сидевшего в надменной позе на срубленном пне.

– По какому праву вы явились сюда? – высокомерно спросил Невельского маньчжур.

– Скажите лучше, по какому праву вы явились сюда? – тем же тоном ответил ему Невельской.

– Эта земля всегда принадлежала маньчжурам.

– Ты ошибаешься, – ответил Невельской. Эта земля принадлежит русским, и ты должен не медленно удалиться отсюда.

Джангин сделал угрожающий жест рукой, как бы приглашал толпу гиляков ринуться на горсточку храбрецов. Невельской не дал ему привести в исполнение угрозы. Вынув заряженный револьвер, он спокойно направил его на Джангина и заявил, что убьёт его, как собаку, если он вздумает оказать сопротивление. Этот приём произвёл потрясающий эффект. Гордый маньчжур моментально смирился. От гиляков Невельской, между прочим, узнал, в опровержение уверений китайских властей, что они всегда были свободны и никому не были подчинены; мало того, по их словам оказалось, что на всём протяжении Амура нет ни одного китайского городка или крепости.

Далее он узнал от них, что в последние годы каждую весну в заливе появляются белые люди на огромных судах, обижающие бедных гиляков и бесцеремонно отнимающие у них пушнину и рыбу. Предположив, что эти белые люди были никто иные, как англичане или американцы, и, опасаясь, чтобы они не захватили в своё обладание весь этот край, Невельской решился, в интересах Отчизны, на безумный по дерзости поступок. Он заявил гилякам, что он нарочно прислан Белым Царём для их защиты, для чего он и уполномочен построить на Амуре несколько крепостей. Мало того, он оставил им письмо от имени «Великого Царя», для того, чтобы они показали его белым людям, если бы те вздумали явиться сюда...

Не довольствуясь этим, Невельской отправился в устье Амура и здесь, в присутствии команды,

на глазах многочисленной толпы гиляков, заложил порт Николаевск и водрузил Русский флаг.

Приехав отсюда весною в Иркутск, он уже не застал там генерал-губернатора и немедленно отправился вслед за ним в столицу.

Между тем, в Петербурге над головой Невельского собирались грозные тучи. Был создан комитет для суждения, о его «противозаконных» поступках. Вина его была слишком велика и серьёзна: Разжалование в простые матросы было, в глазах комитета, наказанием слишком слабым и мягким в сравнении с той тяжкой виной – нарушением инструкций, превышением власти, – которая тяготела над ним, и его приговорили к нему. Остановка была лишь за верховным утверждением приговора.

Спустя несколько дней, Невельской был по требован к Николаю I. Государь встретил его серьёзно, даже как будто сурово, но без гнева.

– Итак, Невельской, – сказал Николай I после нескольких минут гробового молчания, – итак, ты организуешь свои собственные экспедиции... Так, ведь?.. Ты изменяешь по своему усмотрению инструкции, утверждённые твоим Государём? Да?..

Николай I взял лежавшую на столе бумагу и снова спросил:

– Ну-съ, что же ты мне на это скажешь?

Невельской хранил мёртвое молчание.

– Эта бумага сделала тебя простым матросом, – продолжал Николай I, показывая пальцем на бумагу, бывшую у него в руке.

Затем он взял карту и начал медленно водить пальцем по пути, пройденному Невельским на «Байкале».

– Матрос! – воскликнул Николай I. – Да, матрос. Но здесь ты уже стал мичманом, там... лейтенантом, дальше... капитаном, ещё дальше... командиром корабля!.. Контр-адмир... Нет... ещё нет, – сказал Николай I, когда палец его остановился на Николаевске. – Нужно сначала наказать тебя за неповиновение.

Император взял приговор комитета, поднялся со своего места, обнял Невельского и собственноручно надел ему крест ордена Владимира 4-й степени.

– Спасибо, Невельской, – сказал Николай I. – Спасибо за твоё усердие. В другой раз только будь осторожнее, старайся не превышать тех полномочий, которые тебе даются.

Муравьёв на другой день заявил Невельскому, что Государь, выслушав его доклад, «изволил назвать действия Невельского геройскими, благородными и патриотическими».

Д. В. Усатая

Душа амурской экспедиции

Материал Нелли Зуевой из журнала
«Турне», № 6, 2006 г.

Радостно и весело праздновало иркутское общество новый 1850 год. Вернулся из поездки на Камчатку Муравьёв, первый из всех генерал-губернаторов побывавший там.

А вслед за ним приехали в Иркутск офицеры военного транспорта «Байкал» и его командир Геннадий Иванович Невельской. Он был в особенном, возбуждённо-приподнятом настроении.

Их исследования «рассеяли вековое заблуждение и обнаружили истину: Сахалин – остров, а не полуостров, как считали; вход в лиман и реку Амур, возможны, для морских судов с севера и юга». Недаром открытую близ лимана гавань Невельской назвал заливом Счастья.

На одном из рождественских балов Геннадий Иванович был представлен племяннице иркутского губернатора Владимира Николаевича Зарина девятнадцатилетней Кате Ельчаниновой. И влюбился сразу и на всю жизнь.

Какой увидел Невельской Катеньку, своего ангела-хранителя? Вот портрет Кати, воспитанницы смольного института (монастыря, как называли его в то время).

«Она была сама радость и веселье и при большом уме и собой была очень хороша. Небольшого роста, блондинка с правильными чертами лица и с прелестными большими голубыми глазами, имевшими ту особенность, что когда лицо её смеялось, и голос звонко раздавался от смеха, они не изменяли своего вдумчивого выражения».

Поразительное её сходство с портретами смолянок художника XVII века Левицкого – та же прелесть, весёлые жизнерадостность и энергия, те же вдумчивые глаза.

А каким увидела юная красавица его, тридцатилетнего капитан-лейтенанта Невельского?

Из дневника Николая Буссе, офицера по особым поручениям при Муравьёве: «Невельской имеет не совсем красивую наружность. Маленький рост. Худощавое лицо, покрытое рябинками, большая лысина. Но живость глаз и широкий лоб выказывают в нём энергию и горячность характера».

Он не понравился недавней смолянке. Когда Невельской стремительно (в конце марта 1950 году) объяснился в любви и сделал ей предложение, она категорически отказала ему.

Это позднее, уже став Екатериной Ивановной Невельской, она назовёт его своим героем, поймёт «тёплую, глубоко симпатичную натуру, скрывающуюся за непредставительной наружностью».

Из письма Саши Ельчаниновой, сестры, живущей вместе с Катей в Иркутске: «Многое могло измениться, потому-то и не писали вам о капитане I ранга, который жил несколько времени в Иркутске прошлую зиму и ездил к нам очень часто. Катя ему очень нравилась, были даже разговоры, но которые не имели никаких последствий».

Сёстры предполагают уехать из Иркутска к дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову в Смоленскую губернию.

Но вместо предполагаемого отъезда к дяде 16 апреля 1851 года Катя выходит замуж за Геннадия Ивановича Невельского и уезжает с ним на Дальний Восток, на Амур.

Вот история её замужества в письмах. «Милый и любимый Миша, – сообщает Невельской другу, Михаилу Корсакову – приготовься: я счастлив, что готов на подвиг для Отчизны.

Не один – со мной решила ехать и усладить моё заточение и разделять труды на благо Отечества мой милый, несравненный, давно мною любимый всем существом человек – Екатерина Ивановна Ельчанинова, моя Катенька. Ты спросишь, как это случилось? Я приехал в Иркутск (27 марта 1851 года), увидел её и не мог более противостоять тому глубокому и беспредельному чувству. На третий же день я спросил Владимира Николаевича Зарина, не переменяла ли она настроение. «Совершенно переменяла», – был ответ. Я к ней – и она дала мне слово. Ты не поверишь, милый Миша, как я был рад. Пусть говорят что хотят, но я решительно не мог быть один. Я любил, люблю её, этого ангела».

Получив это письмо, Корсаков размышляет в дневнике: «Итак, несмотря ни на что, он предложил. Сильно же был он влюблён! Что он будет с ней счастлив – почти, наверное. Но, если она вышла за него из сострадания, из-за того, что все родные её ворчали на неё за первый отказ?

Что тогда? Но теперь я очень, очень рад, что так вышло: значит, он не один будет зимовать на устье Амура, жена даст ему более силы исполнить свою обязанность». Корсаков опреледелённо пишет о зимовке Невельских на Амуре. Действительно, правительственным постановлением Невельской был назначен начальником Амурской экспедиции, которая должна базироваться в Петровском зимовье. О нём Невельской писал Корсакову 7 июля 1850 года:

«Сейчас пришёл из залива Счастья, куда я отправился на «Байкале». Всё идёт прекрасно сверх всякого ожидания. В заливе Счастья 29-го числа заложил первое русское селение в предверии

Амура, во имя угодника этого дня и в память Великого Петра я назвал его Петровским. Камень краеугольный на Востоке положен». Катя знает о новом назначении мужа и решает ехать с ним.

Из писем Екатерины Невельской родным; «Вот уже три недели я замужем, любезный и почтенный дяденька. Я уверена, что вы вполне понимаете, сколько новых мыслей и желаний явилось во мне, сколько новых обязанностей вижу я перед собой впереди. Более и более я привязываюсь к моему милому мужу. Он так внимателен, так любит меня, что не только я, даже все окружающие тронуты этим».

«Я спешу успокоить вас относительно моего нравственного состояния. Ваша Катя очень счастлива. Мой муж – такой безукоризненный герой. Ему всегда удаётся возратить покой моей душе и мыслям и я опять делаюсь резва и весела, забавляя и заставляя хохотать степенного господина Невельского».

Не случайно, дорогие читатели, я так часто обращаюсь к письмам. Прошлое открывается нам по-разному, но глубже и вернее всего – в дневниках, письмах, мемуарных записках, в воспоминаниях. Эти, казалось бы, субъективные источники создают историю в лицах, представляют участников исторических событий в человеческом, личном измерении.

А мне как раз и было важно если не раскрыть, то хотя бы прикоснуться к некоторой тайне личности Екатерины Ивановны. Она, эта тайна в вопросах: «почему офицеры, участники Амурской экспедиции, и называют двадцатилетнюю жену начальника так трогательно – «наша звезда», «душа экспедиции, без которой жизнь экспедиции разрушилась бы». Ведь такие слова означают, что во многом именно благодаря Екатерине Ивановне русский флаг был поднят на Амуре, то есть была решена ответственная государственная задача – присоединение Приамурья, Приморья и Сахалина к России.

Так сформировались в недавней смолянке её нравственная красота и сила, покорявшие всех, кто был с ней рядом?

Её решение ехать в Петровское зимовье, несмотря на возражение родственников и знакомых, было непреклонным. В своей книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» Невельской написал: «моя молодая супруга решила переносить со мной все трудности и лишения пустынной жизни в диком негостеприимном крае, удаленном на десяток тысяч вёрст от образованного мира».

Эта непреклонность характера, эта воля кажутся неестественными в нежной и приветливой, резвой

и весёлой Кате. Но только кажутся. Помните её вдумчивые глаза?

В нравственном развитии Кати Ельчаниновой определённую роль сыграл Смольный институт благородных девиц. Недаром его называли Смольным монастырём. Это было закрытое учебное заведение. Его воспитанницы были приучены к замкнутой жизни, к общению в замкнутом человеческом мире. Даже для посещения больных родителей необходимо было специальное разрешение императрицы и присутствие классной дамы.

По успехам в учёбе Екатерина Ельчанинова одиннадцатой из семидесяти одной выпускницы. Она получила хорошее образование: знала историю и литературу, французский и немецкий языки, могла музицировать, любила театр, увлекалась верховой ездой и много читала.

После Смольного, потеряв родителей, сёстры Ельчаниновы уезжают в Иркутск. Их дядя был назначен гражданским губернатором восточной столицы. Один из современников вспоминает: «Владимир Николаевич Зарин привёз двух своих племянниц-сирот, только что вышедших из Смольного монастыря, два прекрасных цветка, белые розы, как их стали называть в Иркутске. Они поражали всех скромностью и в то же время развитостью ума».

Сёстры Ельчаниновы оказались в ближайшем окружении генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьёва. «С Зариными мы живём, как одно семейство» – писал Муравьёв брату Валерьяну. В это окружение вошли тогда и некоторые политические ссыльные – декабристы, петрашевцы. Муравьёв изменил их положение в иркутском обществе. Он первым навещал декабристов Волконского и Трубецкого. Мария Николаевна Волконская так писала об этом времени их ссылки в своих «Записках»: «Мужу, жившему в окрестностях Иркутска, было дозволено навещать нас два раза в неделю, а несколько месяцев спустя и совсем туда переехать.

Я же и Екатерина Николаевна Трубецкая уже постоянно жили в Иркутске. Миша учился в Иркутской гимназии, а три дочери Трубецких воспитывались в Иркутском институте благородных девиц. Последние восемь лет никогда не изглаются из моего благодарного сердца. К нам Муравьёв относился также безупречно, как и его достойная жена. Катя Ельчанинова с восторгом и восхищением слушала рассказы декабристок. Эти замечательные русские женщины, женщины как судьбу выбравшие нравственный долг, стали для неё идеалом.